

А. Лаврин

Державин Гавриил Романович (1743-1816) — русский поэт и государственный деятель

Долгая и многотрудная жизнь Державина завершилась весьма достойно. Он умер, удалившись на покой, в своем имении в селе Званка. Его смерть, основываясь на биографических розысканиях Я. К. Грота, прекрасно описал другой русский поэт Владислав Ходасевич:

Ночью на 5 июля случились у него легкие спазмы в груди, после которых сделался жар и пульс участился. День прошел как обычно. Только уже под вечер, раскладывая пасьянс. Державин вдруг изменился в лице, лег на спину и стал тереть себе грудь. От боли он громко стонал, но затем успокоился и уснул. Вечером, за бостоном¹, его стали уговаривать ехать в Петербург, к известному доктору Роману Ивановичу Симпсону. Но он наотрез объявил, что ни в коем случае не поедет, а пошлет только подробное описание болезни с запросом, как поступать и что делать.

Он, однако ж, не написал и письма, потому что два дня чувствовал себя отменно, гулял, работал в кабинете, слушал Парашино² чтение, жаловался, что понапрасну его морят голодом.

8 числа к ужину заказал он себе уху, ждал ее с нетерпением и съел две тарелки. Немного спустя ему сделалось дурно. Побежали за Максимом Фомичем³. Державин прошел в кабинет, разделся и лег на диван. Призвав Аврамова⁴, стал он ему диктовать письмо в Петербург, к молодому Капнисту⁵.

«Пожалуй, уведошь, братец Семен Васильевич, Романа Ивановича, что сегодня, то есть в субботу, часу поутру в седьмом, я принимал обыкновенное мое рвотное, которое подействовало очень хорошо... я думал, что болезнь моя совсем прошла; но после полудня часу в 6-м мне захотелось сильно есть. Я поел ухи... мне было очень хорошо; но через четверть часа опять поднялись пары... Когда поднимаются сии пары, то вступает жар в виски, сильно жилы бьются и я некоторое время как опьяневаю; но спасибо, все это бывает весьма коротко: я получаю прежнее положение, — кажется, здоров, но употреблять не могу пищу, и довольно строгий содержу диет. Боюсь, чтоб как не усилилась эта болезнь, хотя не очень большая, но меня, а особливо домашних много беспокоящая. А теперь почувствовал лихорадку, то есть маленький озноб, и сделалась сини ногти. Расскажи ему все подробно и попроси средства, чтобы избавиться. Впрочем, мы, слава Богу, находимся по-прежнему в хорошем состоянии».

Далее собственною рукою приписал он: «Кланяйся всем. Покорнейший ваш Державин». И еще велел сделать постскрипту: «Пожалуй доставь немедленно приложенную записочку Петру Ивановичу Соколову».

После диктовки начались у него сильные боли. Он стонал и по временам приговаривал:

— Ох, тяжело! ох, тошно!.. Господи, помоги мне грешному... Не знал, что будет так тяжело; так надо! Господи, помилуй меня, прости меня!.. Так надо, так надо!

Так он долго стонал и жаловался, порой с укоризною прибавляя еще одно слово, которое относилось, должно быть, к съеденной ухе:

— Не послушался!

¹ Карточная игра.

² Племянница Державина.

³ Врач, пользовавший семейство Державиных.

⁴ Племянник поэта.

⁵ С.В. Капнист — сын поэта Василия Капниста, близкого друга Державина.

Однако и эта боль миновалась, он перестал стонать, приободрился.

— Вы отужинали? – спросил он, – больно мне, что всех вас так взбудоражил; без меня давно бы спали.

Тут опять поднялся разговор о поездке в Петербург. Державин противился, но потом уступил и часов в одиннадцать приказал Аврамову сделать второй постскриптум:

«После сего часу в десятом вечера я почувствовал настоящую лихорадку, а в постелею ложившись напьюсь бузины; завтра же тетенька думает, коль скоро лучше того не будет, то ехать в Петербург».

В самом деле, напился он бузины и перешел из кабинета в спальню. Там вскоре страдания возобновились, и через несколько времени Аврамов уже продолжал письмо от своего имени:

«В постели после бузины сделался жар и бред. Наконец, Дарья Алексеевна¹ приказала вам написать, что они решились завтрашний день ехать в Петербург; если же Бог даст дяденьке облегчение и они во вторник в Петербург не будут, то тетенька вас просит прислать нарочного сюда на Званку с подробным наставлением Романа Ивановича Симпсона. Ваш покорнейший слуга Евстафий Аврамов».

Но странному письму и на этом не суждено было кончиться. Державин лежал без памяти, Дарья Алексеевна велела сделать еще приписку:

«P.S. Тетенька еще приказала вам написать, что дяденьке нет лучше, и просит вас, чтобы вы или кто-нибудь из братцев ваших, по получении сего письма, поспешили приехать на Званку, как можно скорее».

В исходе второго часа, когда Дарья Алексеевна удалилась на время и в спальне остались только Параша с доктором (который совсем растерялся и не знал, что делать), Державин вдруг захрипел, перестал стонать, и все смолкло. Параша долго прислушивалась, не издаст ли он еще вздоха. Действительно, вскоре он приподнялся и глубоко протяжно вздохнул. Опять наступила тишина, и Параша спросила:

— Дышит ли он еще?

— Посмотрите сами, – ответил Максим Фомич и протянул ей руку Державина. Пульса не было. Параша приблизила губы к губам его и уже не почувствовала дыхания.

¹ Жена Державина.

